

рического, сосредоточенного на эмоциональном состоянии субъекта речи. Рассматриваемый монолог, начавшись как явно *обращённый* (как ответ на прозвучавшие реплики Аглаи и Аделаиды), по мере развёртывания всё более дистанцируется от конкретных слушателей (в тексте обнаруживается всё меньше лингвистических сигналов, об этом свидетельствующих), превращаясь в собственно размышления персонажа, то есть в монолог *уединённого типа*, и соответственно расширяется и углубляется психологическая составляющая монологического текста.

Таким образом, монологические речи раскрывают нам образ князя Мышкина с иной стороны, являются одним из главных средств выражения его второго «я», которое отличается от «я» внешнего – нерешительного и вызывающего смех и пренебрежение со стороны тех, кто впервые его видит, – как призванного пророка и проповедника общечеловеческих ценностей истины, добра и красоты в царстве пороков и зла.

Литература

1. Достоевский, Ф. М. Идиот // Достоевский, Ф. М. Собрание сочинений : В 10 т. – Т. 6. – М. : Художественная литература, 1960. – 736 с.
2. Зайцева, И.П. Поэтика современного драматургического дискурса: монография / И.П. Зайцева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Луганск : Альма-матер, 2007. – 332 с.
3. Иванцова, Е. В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования / Е. В. Иванцова // Вестник Томского государственного университета. – Томск : ТГУ, 2010. – № 4 (12). – С. 24–32.
4. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 1999. – 240 с.

N.V. Odnosum

National Pedagogical Dragomanov University

e-mail: natalyaodnosum@gmail.com

The character of the prose work as a linguistic personality (on the example of Prince Myshkin's image from the novel "Idiot" by F.M. Dostoevsky)

Key words: anthropocentric paradigm, language personality, monologue, speech situation, Prince Myshkin.

The article considers the features of the character of the prosaic art work as a linguistic personality on the example of the image of Prince Myshkin from the novel «Idiot» by F. M. Dostoevsky. Language features of Prince Myshkin are identified and analyzed in monologic speech as one of the characteristic ways of expressing of linguistic personality.

УДК 821.161.1-31.09+929Набоков

М.А. Турбина

ГОУ ВПО ЛНР «Луганский национальный университет
имени Тараса Шевченко»

e-mail: marina12011@yandex.ua

Интертекстуальные связи в романе В.В. Набокова «Лолита» (на материале творчества Ш. Бодлера и И. Гёте)

Ключевые слова: интертекст, интертекстуальные связи, интертекстуальность, перевод, прототекст.

В статье предпринята попытка анализа интертекстуальных связей на основе сопоставления романа В. Набокова и творчества Ш. Бодлера и И. Гёте, рассмотрены приёмы включения интертекста в целевой текст.

Наряду с творчеством Э. По, П. Мериме, Д. Байрона, В. Шекспира, Т. Элиота, Л. Кэрролла и других писателей одними из основных прототекстов для творчества В. Набокова являются произведения Ш. Бодлера и И. Гёте. Рассказывая, как ему приходилось всегда быть настороже и следить, чтобы Лолиту случайно не соблазнил какой-то ухажёр, которых обычно скиталось немало в тех местах, где они останавливались, Гумберт Гумберт описывает сцену, которую однажды застал у бассейна, и цитирует при этом Ш. Бодлера: «...[Lolita] dipping and kicking her long-toed feet in the water on the stone edge of which she lolled, while, on either side of her, there crouched a brun adolescent whom her russet beauty and the quicksilver in the baby folds of her stomach were sure to cause to se tordre – oh Baudelaire! – in recurrent dreams for months to come» [3, с. 162].

По поводу этого отрывка А. Аппель делает такое примечание: «Шарль Бодлер (1821–1867) – французский поэт. Сновидения и французские фразы взяты из Бодлерового «Le Crepuscule du matin» (1852): «C’etait l’heure ou l’essaim reve des malfaisant // Tord sur leur oreillers les bruns adolescents...» [2, с. 393]. А. Аппель не цитирует французский оригинал, а просто даёт подстрочный перевод – об этом, в частности, свидетельствуют синонимы, представленные в квадратных скобках (twists, swarthy).

В. Набоков не случайно вспоминает Ш. Бодлера. Стихотворение, к которому он апеллирует, входит в знаменитый сборник «Цветы зла», который современники поэта трактовали как поэтизацию безнравственности. После публикации «Цветов зла» Ш. Бодлера обвинили в грубом реализме, который оскорбляет целомудрие. Его стихи часто полны откровенных картин порока, грязи и распущенности. Собственно, на эти низменные, порочные стороны человеческой души намекает В. Набоков, цитируя Ш. Бодлера.

В российской версии цитаты из Ш. Бодлера оставлены на французском: «...Меж тем, как с каждой стороны от неё полулежал unbrunadolescent, которого русая её красота и ртуть в младенческих складочках живота несомненно – думал я, о Бодлер! – заставят setordre в повторных снах в течение многих ночей...» [1, с. 187].

В примечаниях после текста дан перевод самих цитат без каких-либо комментариев. Поскольку Ш. Бодлер, безусловно, занимает неодинаковое место в западной и российской культуре, такую тактику надлежит расценивать как «абсолютное» отчуждение: чтобы понять намёк Гумберта Гумберта, читатель просто должен иметь представление о поэзии Ш. Бодлера; переводчик никак не пытается компенсировать для него отсутствие соответствующих фоновых знаний.

В следующем эпизоде содержится ироническая аллюзия на балладу И. Гёте «Erlkcnig» («Лесной царь») (1818): отвозя опасно больную Лолиту в больницу, встревоженный Гумберт Гумберт отзывается, что его словно преследует «heterosexual Erlkcnig»: «With a heterosexual Erlkcnig in pursuit, thither I drove, half-blinded by a royal sunset on the lowland side and guided by a little old woman, a portable witch, perhaps his daughter...» [3, с. 240]. («Словно меня преследовал лесной царь, я с ней поскакал прямо в спящий закат, пробивавшийся со стороны низменности моим проводником была маленькая старушка вроде портативной ведьмы»).

К этому отрывку А. Аппель даёт такое примечание: «Аллюзия на стихотворение И. Гёте «Erlkcnig» («Лесной царь», король эльфов), в котором видения Лесного царя преследуют мальчика, что едет с отцом верхом через тёмный лес. Лесной царь не может завладеть мальчиком, которого полюбил, и поэтому стремится к его смерти. Когда отец «счастливо» приезжает домой, ребёнок у него на руках уже мёртвый» [2, с. 420].

В датском и немецком фольклоре Король эльфов ассоциируется со смертью. Это существо якобы приходит к тем, кто умирает. Итак, аллюзия на стихотворение И. Гёте, тональность которого резко контрастирует с тональностью «Лолиты», ироничная. Ирония очевидна уже в самом словосочетании «heterosexual Erlkñig»; то есть на этот раз Erlkñig полюбил не мальчика, а девочку – «дочь» Гумберта Гумберта. Далее в английском оригинале герой В. Набокова вспоминает ещё и «дочь лесного царя», однако иронично искажает образ из стихотворения И. Гёте, превратив юное создание в старую ведьму.

В российской версии рассматриваемый отрывок несколько перефразирован и традиционно дополнен подсказкой об источнике аллюзии: «Словно меня преследовал лесной царь, как в гетевском «Короле Эльфов» (но на сей раз любитель не мальчиков, а девочек), я с ней поскакал прямо в слепящий закат, пробывавшийся со стороны низменности. Моим проводником была маленькая старушка вроде портативной ведьмы (может быть, одна из кузин Erlkñig'a)...» [1, с. 274].

Дочь лесного царя в переводе превращается в «одну из кузин Erlkñig'a»: употребление слова «кузина» в сочетании с фольклорным персонажем усиливает ироническую тональность текста. В примечании после текста дан лишь перевод немецкого слова: Король эльфов («лесной царь») [1, с. 365] без каких-либо комментариев. Эта тактика в целом аналогична тактике, применённой в отношении аллюзии на Ш. Бодлера. Отличие заключается лишь в том, что ссылки на И. Гёте в английском оригинале нет, она появляется только в российской версии, а Ш. Бодлер в английском оригинале упомянут так же, как и в русской версии. Такое различие, очевидно, объясняется большей популярностью произведения «Erlkñig» И. Гёте в культуре-источнике, чем поэзия Ш. Бодлера.

Важное место занимает конкретный прототекст в целевой культуре, и именно в этом заключается существенное различие между аллюзиями на И. Гёте и Ш. Бодлера по частотности их воспроизведения в русском переводе: «Erlkñig», безусловно, популярнее в русской культуре, чем поэзия Ш. Бодлера, поэтому аллюзия на одно из самых известных стихотворений И. Гёте имеет высокие шансы быть понятной для российской аудитории даже без дополнительных объяснений, ведь «Erlkñig» И. Гёте неоднократно переводили на русский язык. Хрестоматийным считается перевод В. Жуковского с названием «Лесной царь», который подробно анализируется в известном эссе М. Цветаевой «Два Лесных Царя». В. Набоков перевёл название стихотворения как «Король Эльфов», однако в тексте упоминает и «лесного царя», поэтому распознать и «расшифровать» аллюзию, ориентируясь на хрестоматийный русский перевод шедевра И. Гёте, видимо, несложно.

Литература

1. Набоков, В.В. Лолита / [пер. с англ. автора] / В.В. Набоков. – М. : Известия, 1989. – 415 с.
2. Appel, J.A. Introduction. Notes / J. A. Appel // Nabokov, V. The Annotated Lolita. – N.-Y., 1991. – 544 p.
3. Nabokov, V. The Annotated Lolita / V. Nabokov; [edited, with preface, introduction and notes by A. Appel]. – N.-Y. : Vintage Books, 1991. – 544 p.

M.A. Turbina

Luhansk Taras Shevchenko National University
e-mail: marina12011@yandex.ua

Intertextual relations in the novel V.V. Nabokov «Lolita» (on the material of creativity Ch. Baudelaire and J. Goethe)

Key words: intertext, intertextual relations, intertextuality, translation, prototext.

In the article an attempt is made to analyze the intertextual relations based on the comparison of the novel by V. Nabokov and the works of Ch. Baudelaire and J. Goethe, and methods for including the intertext in the basict text are considered.